Т. Б. Сиднева[1]

ЧЕЛОВЕК И БУДУЩЕЕ ИСКУССТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Сегодня нет необходимости доказывать силу влияния искусства на интеллектуальное, эмоциональное, нравственное становление и развитие человека. Напротив, глобальный мир открывает очевидность того, что искусство — во всем многообразии культурно-исторических типов, континентальных и национальных традиций, высоких образцов и низовой продукции — тотально завладевает пространством жизни. Человек оказывается под воздействием беспрецедентно мощного художественного и квазихудожественного потока, он вовлечен в «игры без правил», не дающие четких ориентиров в различении границ подлинного и неподлинного, допустимого и недопустимого, приемлемого и неприемлемого в искусстве.

Глобальные масштабы и стремительные темпы радикальных изменений, характерные для современной эпохи, с особой остротой ставят вопрос о перспективах и прогнозах развития художественной культуры. Проблема будущего искусства, вовлеченного в геополитические, экономические, философские, психологические процессы жизни, сегодня принципиально неотделима от обсуждения перспектив существования государства и мировой цивилизации в целом.

Каким представляется будущее искусства? Не являемся ли мы свидетелями исчезновения искусства как гуманитарного феномена и замены его иными культурными формами? Или, напротив, учитывая сверхвозможности, которыми дигитальная цивилизация наделяет художественное творчество, «не является ли вся тысячелетняя история искусства только лишь тренировкой перед величественными творениями будущего?»[2]. Наконец, возможны ли в ситуации беспрецедентной подвижности и множественности стилей, жанров, языков искусства какие-либо прогнозы о путях его развития?

Проблема будущего искусства не потеряла своей актуальности на протяжении всей истории культуры. Она неизменно находится в поле зрения всех, кто размышляет об искусстве, — и оптимистов, полагающих панэстетизм знаменем грядущего творчества, и скептиков, предрекающих саморазрушение и исчезновение искусства. В бесконечном ряду рефлексий о ближайших и отдаленных перспективах художественного творчества — Платон и Леонардо; Гегель, заявивший о перспективах самоисчерпания искусства, и Вагнер с его идеей Gesamtkunstwerk (произведения искусства будущего); русские символисты, одержимые стремлением к превращению искусства в теургию, и футуристы, бредившие прорывом к грядущему; постмодернисты, предрекавшие растворение искусства в циркуляции образов, а также преуспевшие в радикальном пересмотре фундаментальных основ художественного опыта. В обсуждение будущего искусства в равной степени вовлечены художники и философы, психологи и социологи, политики и экономисты.

Искусство как средоточие творческой свободы, «езда в незнаемое» (В. Маяковский), фокусирует в себе стихийность и индетерминизм. Непредсказуемость в искусстве неотделима от общих законов жизненного процесса, это «одновременно и следствие и причина непредсказуемости в жизни»[3]. Символичными в связи с этим стали последний афоризм «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна («О чем невозможно говорить, о том следует молчать») и выразительный «жест» композитора Д. Лигети, промолчавшего в отведенный регламент времени свой доклад «Будущее музыки» (1961). К концу XX века констатация «конца» искусства становится все более категоричной: по утверждению Ж. Бодрийяра, оно «растворилось в общей эстетизации повседневной жизни»[4], Б. Гройс пишет об «исчезновении искусства как гуманитарного феномена», А. Мигунов констатирует «ревизию онтологических оснований» искусства.

Вместе с тем наряду с очевидными фактами и авторитетными суждениями, отрицающими возможность предвидения и ограничивающими какое-либо прогнозирование, существует отчетливое желание понять, «что нас ждет впереди и куда мы идем», и стремление увидеть контуры будущего. Логика истории свидетельствует о том, что нет более плодотворного способа заглянуть в будущее, чем через опыт прошлого и настоящего. Именно пройденный путь позволяет уловить некоторые закономерности дальнейшего развития.

В контексте размышлений о перспективах искусства представляет интерес статья Д. С. Лихачева «Будущее литературы как предмет изучения»[5]. Написанное полвека назад в определенной социокультурной ситуации, это исследование сегодня не только не потеряло научного значения, но и остается важным примером изучения перспектив художественного опыта. Даже осознавая масштабы пройденного искусством пути за пятьдесят лет, можно со всей очевидностью обнаружить непреходящую актуальность размышлений выдающегося ученого. Оставляя в стороне вопрос о прогрессе вообще и художественном прогрессе в частности, Д. С. Лихачев обращается к выявлению тех линий, по которым литература совершенствует и расширяет свои «художественные возможности». Выстраивание перспектив искусства, представленное в статье, являет

---

[1] Проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика»; статей: «Метакомпаративистика как музыка» (в соавт.), «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Граница-изоляция и граница-диалог в становлении глобальной музыкальной культуры», «Взгляд со стороны: о границах понимания инонациональных художественных традиций в современной культуре» и др. Член Союза композиторов РФ, Российского философского общества. Награждена почетным знаком «За достижения в культуре».

[2] *Прайд В., Кокина Е.* Эстетика будущего // Discovery. 2009. № 5. С. 92–97.

[3] *Прайд В., Кокина Е.* Указ. соч. С. 69.

[4] *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2006. С. 20.

[5] *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему. Статьи и очерки. М. : Наука, 1985. С. 168–202.

собой образец исследовательской мудрости и точности в решении сложнейшей проблемы.

Исходным для Д. С. Лихачева стал тезис: «Художник творит в пределах тех возможностей, которые перед ним открывают эпоха и окружающее его искусство»[1]. Это обстоятельство порождает взаимозависимость горизонтов будущего в искусстве и действительности. Однако связь эта нелинейна: увеличение возможностей не упрощает, а усложняет положение художника, поскольку, как утверждал ученый, это повышает требования к таланту и гению. Ставший хрестоматийным, этот тезис для современной культуры имеет особое значение. В арсенале искусства прочно утвердились информационно-коммуникационные технологии, которые позволили обнаружить колоссальные возможности для креативного опыта, демонстрирующего безграничный спектр экспериментов с цветом, звуком, формой.

Однако доступность современных технологий возросла не пропорционально увеличению художественных ценностей. Напротив, она усложняет поиск оригинального высказывания, что и прогнозировал Д. С. Лихачев. Более того, увлеченность новыми материалами и владение современными техниками нередко затмевают поиск оригинальной художественной идеи, а подчас и скрывают ее отсутствие. В сложившейся культурной ситуации таланту не только труднее проявить себя. Еще сложнее его «разглядеть», поскольку виртуозное владение техническими эффектами не дает ориентиров в различении подлинной ценности и ее имитации.

Характерно, что Д. С. Лихачев для изучения проблемы «будущего литературы» обращается преимущественно к прошлому — фольклору, древнерусской литературе и искусству Нового времени. Эта ретроспектива позволила ему обосновать постепенное возрастание зависимости поисков новых форм от всего многовекового опыта литературы. В проекции на современную эпоху идеи ученого не только позволяют описать перспективы будущего искусства. Масштаб выявленных Д. С. Лихачевым факторов заключается в прогнозировании тех ключевых задач, которые стоят сегодня перед художником.

Одним из прогностически важнейших тезисов Д. С. Лихачева является утверждение о необходимости расширения мирового опыта при сохранении национальных особенностей искусства. Ученый убежден, что в будущем «национальное своеобразие каждой литературы <…> должно стать ценностью мирового порядка, стать опытом всех литератур, войти в мировые исторические традиции»[2]. В этом контексте необходимым фактором поступательного развития искусства ученый полагает «расширение и углубление читательского восприятия литературного произведения»[3], возрастание творческой энергии личности, постигающей искусство.

Любой опыт прогнозирования демонстрирует невозможность однозначного предвидения будущего. Эпоха глобализации отличается повышенной непредсказуемостью и по многим параметрам соответствует лотмановскому определению «взрывных динамических процессов» в культуре. Искусство, казалось бы, опровергает многовековые традиции, разрушая фундаментальные основания художественного творчества и размывая границы допустимого и приемлемого.

В то же время, меняя формы и типы коммуникации, разрушая привычные представления о художественном опыте, современное искусство наращивает мощные защитные механизмы. Создается культурная среда, противостоящая хаосу и энтропии. Об этом свидетельствуют практически ежедневно возникающие новые художественно-образовательные сайты, виртуальные коллекции музеев и фонды электронных библиотек в Интернете, онлайн-трансляции фестивалей, конкурсов, спектаклей. В этом позитивном ряду — совместные национальные и международные проекты и акции (проекты 2019 г. — Год театра, Год музыки России и Великобритании, ежегодный Санкт-Петербургский культурный форум, Московский пасхальный фестиваль, московский фестиваль «Другое пространство», проект Ю. Башмета «Всероссийский юношеский симфонический оркестр» и др.).

Таким образом, размышляя о перспективах искусства в жизненном пространстве человека, необходимо осознать, что будущее художественного творчества безгранично и ограничено одновременно. Эпоха глобальных перемен, усложняя возможность распознавания ценного и перспективного в искусстве, в то же время подтверждает, что «завтрашний день продолжит не только сегодняшний, но и вчерашний, и те дни, что были давно»[4]. И нет другого продуктивного пути в будущее — только память о предшествующем опыте.

[1] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 168.

[2] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 195.

[3] Там же. С. 200.

[4] Там же. С. 202.